RNJΟΛΟΛΝΦ

К. С. Верхотурова

ОГОНЬ И ВОДА: СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ На материале лексики уральских говоров

На материале уральских говоров реконструируются семантические поля огня и воды, определяются их границы и логика организации, обозначается ассортимент понятий и реалий, степень их лингвистической освоенности. В ряде случаев проводится ономасиологический анализ лексики, который позволяет выявить ключевые мотивы, положенные в основу номинаций огня и воды, обозначить донорские сферы. Предпринимается попытка контрастивного анализа семантических полей огня и воды.

Несмотря на то, что количество работ, созданных в рамках антропологической лингвистики, измеряется тысячами, вопрос о методах и жанрах когнитивно ориентированных языковых исследований не теряет своей остроты. Рассуждения о том, что ни один из методов, возникших в рамках антропологического языкознания, не применим ко всему языковому материалу, становятся общим местом. Поэтому одной из приоритетных задач современной лингвистики остается определение границ релевантности того или иного метода (что, безусловно, влечет за собой вопрос о терминосистеме и попытки отыскать для каждого термина зону особой референции). С другой стороны, такие направления лингвистики, как, например, структурная семантика, стремятся отыскать универсальный метод описания если не всего языка, то хотя бы лексической системы. Одним из методов, претендующих на охват всего лексического пласта, является с е м а н т и ч е с к о е п о л е. Так, И. М. Кобозева среди прочих особенностей полевого анализа называет «взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря)» [Кобозева, 2004, 99].

Принято считать, что любой феномен способен стать ядром понятийного поля, на которое проецируется лексический пласт, образующий семантическое поле, определенным образом отражающее и интерпретирующее тот или иной фрагмент действительности. Само понятие поля накладывает жесткие ограничения на характер связей между организующими его компонентами. Главная особенность полевой структуры, как известно, — наличие я дра и периферии. На уровне понятийного поля связи ядра с тем или иным сегментом периферии выделяются на логическом основании. Таким образом, мы конструируем объективную матрицу исследуемого феномена, определяем необходимый и достаточный набор элементов, описывающих ситуацию. Иначе говоря, мы очерчиваем круг идеограмм, релевантных для конкретного семантического поля. По сути, если в центре поля находится субъект и его типовые действия — наиболее репрезентативные элементы, сектора периферии формируются возможными актантами. В терминах семантики в ядре поля находится лексика, в семантической структуре которой сема, соотносимая с исследуемым понятием, является категориальной, для лексики, формирующей сектора периферии, — дифференциальной. На наличие общих сем для всех элементов поля указывал В. Г. Гак: «Уже в семантической структуре ядерных слов... заложены многие из тех секторов... которые в составе всего поля представлены многочисленными лексическими единицами» [Гак, 1998, 66]. На уровне семантического поля связи между ядром и периферией должны поддерживаться собственно языковыми маркерами, т. е. связи между компонентами семантического поля должны верифицироваться в самом языке. Языковое наполнение этих идеограмм и отражает языковое освоение изучаемого феномена, позволяет обозначить некоторые доминанты, актуальные для языкового сознания. Показательными являются, во-первых, дистрибуция лексики относительно идеограмм (количественный маркер), во-вторых, степень разработанности идеограммы, или количество и характер модификаций, которым подвергается идеограмма. Эти модификации могут быть разделены на две основные группы, заимствуя термины синтаксиса: диктумные (объективные) и модусные (субъективные). К первым относятся фазовые и количественные модификации, в рамках второго противопоставляется нейтральная лексика и лексика, содержащая оценочный компонент (образные номинации, экспрессивы и т. д.). Их принципиальное отличие состоит в том, что каждая диктумная модификация так или иначе порождает новый объект номинации, тот или иной элемент обособляется из явления как целостности настолько, что может стать самостоятельным объектом номинации, т. е. для номинатора является отдельной идеограммой, отдельным понятием. В терминах ономасиологии это номинация первичная. При модусных модификациях смысла объект остается тем же. Это всегда в торичная номинация, которая, как правило, обладает большей коннотативной нагруженностью и отличается от первичной номинации по значимости. Таким образом, анализируя дистрибуцию лексики относительно идеограмм, мы получаем семантическое поле феномена в синхронном срезе. Мотивационные и этимологические корреляции элементов поля позволяют исследовать семантическое поле в диахронном аспекте. Чем выше процент лексем, включенных в тот или иной сегмент периферии поля, этимологически связан с лексикой, формирующей ядро, тем прочнее собственно языковые связи между компонентами семантического поля.

Мы попытались сконструировать семантические поля для двух, казалось бы схожих с точки зрения организации понятийного поля, феноменов — о г н я и в о д ы. Некоторая изоморфность этих понятий на логическом уровне очевидна: и в том и в другом случае перед нами первоэлемент, который может существовать в разных ипостасях. С одной стороны, жизнь человека без огня или воды невозможна, огонь и вода давно приручены человеком, вплетены в быт. С другой стороны, и огонь, и вода остаются стихиями, способными выйти из-под человеческого контроля, внушающими страх. Наконец, с третьей стороны, и огонь, и вода нагружены огромным количеством культурных коннотаций, активно эксплуатируются в обрядах, наделены сакральными смыслами. Логично предположить, что семантические поля огня и воды будут изоморфны. В качестве материала была использована лексика уральских говоров.

В ядро поля входят обозначения огня/воды и их типовых действий, т. е. действий, для которых огонь/вода является с у бъектом действия. Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью выделять сектора уже внутри ядра, разграничивая их на основании «действие — состояние».

Вся зафиксированная на Урале лексика со значением 'огонь', 'пламя', 'пожар' этимологически связана с корнями с исходным значением 'гореть'. Иначе говоря, семантическое расстояние между данными лексемами и этимологическим значением корня невелико, развитие подобной семантики закономерно. Набор идеограмм весьма ограничен: пламе 'пламя' [СРНГ, 27, 79], погарье 'пожар' [Там же, 287], nán 'пожар' [Там же, 25, 163], náльник 'лесной пожар' [Там же, 180]. (Включая лексемы со значением 'пожар' в этот сегмент поля, мы опирались на следующее толкование: пожар — сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть, создающее опасность для жизни людей, а также самое горение, уничтожение чего-л. огнем [MAC, 3, 234].) Невозможно не обратить внимания на следующий факт: семантика приведенных лексем предметна (а не процессуальна), однако пожар противопоставляется огню, пламени на основании наличия/отсутствия семы интенсивности, масштабности, актуальной для процесса, но не для предмета. Иными словами, идеограммы «огонь» и «пожар» определяются не друг через друга, а через процесс горения, что позволяет говорить о том, что значение 'пожар' возникает как именование определенной фазы, стадии неподконтрольного человеку горения, то есть для семантического поля огня сегмент, формирующийся обозначениями огня как предмета (в грамматическом смысле слова), очень прочно связан с процессом горения, семантика идеограмм, представленных в этом секторе, обусловлена характером протекания процесса.

В уральских говорах зафиксировано всего 4 лексемы, обозначающих типовые действия огня, причем в двух случаях маркируется начальная стадия процесса: $n\dot{\omega}$ хать 'вспыхнуть, загореться' [СРНГ, 33, 203], заплеваться 'начинать тлеть, гореть без пламени' [Там же, 10,325]. Эти лексемы отражают два типа появления

пламени: мгновенное вспыхивание и постепенное возникновение огня из тлеющих углей. Лексемы *па́згать* 'ярко гореть, пылать (об огне)' [СРНГ, 25, 143], *пласта́ть* 'сильно гореть, полыхать'; 'разгораться, хорошо гореть; давать яркий свет' [Там же, 27, 87] связаны с идеей кульминации процесса горения. Несмотря на крайнюю малочисленность лексем, вошедших в этот сегмент поля, даже опираясь только на них, явно можно выделить две ключевые для осмысления процесса горения идеи: 1) интенсивность и 2) стадиальность.

Ядро семантического поля «воды» организовано иначе. Сектор «вода» формируется тремя идеограммами: 1) «дождевая вода» — поточная вода [СРГСУ, 4, 112]; 2) «вода, образовавшаяся от таянья льда, снега» — $n\acute{e}mhas\ bod\acute{a}$ [Там же, 2, 94], снежная вода, снежица [Там же, 6, 34]; 3) «мутная вода» — момраж [Там же, 2, 139], камус [Там же, 14]. Налицо большая степень мозаичности в наборе идеограмм по сравнению с тем же сектором в поле «огонь, горение». Идеограммы, представленные в данном сегменте поля, являются принципиально невыводимыми друг через друга, они соотносятся напрямую с ключевым понятием «вода» и обозначают абсолютно разные характеристики воды как субстанции («происхождение» и качество), вне связи с каким бы то ни было типовым действием. Уже этот факт позволяет говорить о том, что в языковом осмыслении данных стихий акценты расставляются по-разному: огонь — это прежде всего процесс (горение), а вода — прежде всего субстанция. Очевидно, что это объясняется самой реалией: огонь невозможно представить вне процесса горения (причем это ограниченный во времени процесс с явной сменой стадий), в то время как вода легко может оставаться в бездействии сколь угодно долго.

Сектор действия воды также весьма мозаичен: на уровне идеограмм сюда могут быть включены состояние поверхности воды, изменения температуры воды, а также общие действия воды. При этом ни одно значение не встречается дважды. Кроме того, все представленные глаголы характеризуют действия или состояния разных «ипостасей» воды, и их значения настолько различны, что кроме как набором самостоятельных, не обусловленных друг другом идеограмм представить их невозможно. Состояние поверхности воды отражается в слове холмить 'рябить (о воде)' [Там же, 6, 152]. Очевидно, что данная семантика актуальна прежде всего для водоемов. Глагол взбыривать 'бурлить' [Там же, 1, 78] связан либо с водой кипящей, либо с водой в быстрых течениях. Лексема сукропиться 'нагреться, стать теплым (о воде)' [СРГСУ-Д, 520] универсальна с точки зрения сочетаемости, может относиться и к воде в водоемах, и к любой другой воде. Легко заметить, что для данных глаголов (в отличие от глаголов, описывающих действия огня) ни идея интенсивности, ни тем более идея фазы не является значимой. Все эти глаголы описывают состояния воды, не имеющие темпоральных ограничителей. При этом остается открытым вопрос о выборе объектов номинации в рамках данного сегмента поля: вряд ли можно говорить о том, что он сколько-нибудь последователен или исчерпывающ.

Итак, если сопоставить ядра семантических полей огня и воды, нужно отметить следующие моменты: во-первых, абсолютной доминантой для образа огня, горения является идея четко очерченного во времени процесса с явной сменой

стадий; во-вторых, идеограммы, формирующие ядро поля, укладываются в единый сценарий, выводимы друг через друга, что подчеркивает определенную монолитность, целостность процесса горения. Что касается образа воды, доминантой для него является идея субстанции, причем субстанции, могущей существовать в различных ипостасях. Соответственно идеограммы, на которых базируется ядро данного семантического поля, не могут быть вписаны в один сюжет, друг через друга принципиально не выводимы.

Сектора периферии поля выделяются на логическом основании. Опираясь на то, какое место в структуре значения слова имеет сема 'огонь'/'вода', можно обозначить сектора периферии. Очевидно, что каждый из сегментов периферии содержит какое-то количество более частных идеограмм, но такое обобщение необходимо, чтобы за деталями не потерялась общая логика структуры ситуации горения.

Рассматривая периферию полей, мы сосредоточили свое внимание на семантической организации каждого сектора, обращаясь к мотивации лишь в исключительных случаях. В плане мотивации мы разделили всю лексику, формирующую каждый сегмент, всего на две группы — производную от корней, этимологическое значение которых связано с огнем/водой и их типовыми действиями, и всю остальную. Для нас важно именно такое разделение, потому что оно демонстрирует, что связи между ядром поля и каждым сектором не только установлены на уровне внеязыковой логики, но и подкреплены лингвистическим материалом, т. е. задаются самим языком. Обособление дериватов корней с исходным значением 'огонь'/ 'вода' дает возможность представить, какую роль в процессе номинативного освоения того или иного фрагмента действительности сыграла его связь с ключевым феноменом. Мы не ставим перед собой задачу прояснить семантическую эволюцию оставшейся лексики, поскольку для понимания языковых образов огня и воды это в известной степени факультативно. На данном этапе важно произвести семантическую классификацию материала и определить место каждого элемента в структуре семантического поля.

Если исходить из того, что огонь, горение в языковом сознании прежде всего процесс, а вода — субстанция, представленная определенным набором ипостасей, очевидно, что периферии соответствующих семантических полей не могут быть изоморфны и должны строиться по разным принципам. Для поля огня необходимо обозначить сектора, охватывающие все основные компоненты ситуации горения. Для поля воды следует выделять сегменты периферии в зависимости от того, о какой форме существования воды идет речь.

Опираясь на то, какое место в структуре значения слова имеет сема 'огонь', можно обозначить шесть секторов периферии: 1) симптомы горения, 2) продукты горения, 3) инструменты инициирования, 4) топливо, 5) сжигание, применение и 6) результаты воздействия огня.

Симптомы горения. Данный сектор формируется двумя идеограммами: «дымить, покрываться копотью, сажей» (∂ ыме́ть 'дымить', 'покрываться копотью, темнеть' [СРНГ, 8, 293]; nыл \acute{s} ть 'гореть с большим выделением дыма, сажи' [Там же,

33, 193]) и «запах гари» (палени́на 'запах чего-либо паленого' [СРНГ, 25, 166]). Этот сегмент поля, в отличие от предыдущих, связан напрямую с ядром, идеей горения. Все обозначенные симптомы актуальны для огня стихийного. (Нужно заметить, что в случае с горением четко разграничить огонь, используемый человеком, и огонь стихийный невозможно, поскольку горение остается горением независимо от того, контролирует его человек или нет.) В данном секторе появляется лексика, этимологически связанная с корнями с исходным значением 'огонь', 'гореть', что позволяет говорить о том, что языковые связи между данным сегментом поля и ядром более прочны.

Продукты горения. Этот сектор, так же как и предыдущий, коррелирует с ядром поля, но в этом сегменте нет ни одного деривата корней с исходным значением 'огонь', 'гореть'. На уровне идеограмм здесь представлены «головешка» (копы́тник 'головешка'; собир. 'обуглившиеся поленья' [Там же, 14,305]; голове́нник 'головня, головешка' [Там же, 6,303]) и «уголь» (пать я́ 'угольный мусор; мелкий уголь' [Там же, 25,276]).

Инструменты инициирования. Из всех возможных в данном сегменте поля идеограмм в уральских говорах представлена только идеограмма «огниво, кремень». С таким значением зафиксирована одна лексема — $\kappa p \epsilon_{MERD}$ 'камень для высекания огня, кремень' [Там же, 15,209]. Этот сектор поля апеллирует к огню, контролируемому человеком, добываемому, огню в быту и тесно связан с сектором «сжигание, применение огня».

Топливо. Так же, как и предыдущий, данный сектор связан с сектором «сжигание», но здесь актуализируется не момент инициирования, а момент поддерживания огня, т. е. контроля над процессом. Единственная идеограмма — «топливо» ($\partial posa$ 'любое топливо, сжигаемое в печи' [Там же, 8,190]).

Сжигание, применение огня. Данный сектор соотносится с образом огня в быту, огня, прирученного человеком. Это самый многочисленный из всех секторов периферии. Его формируют следующие идеограммы:

• «Жечь». Данный сектор в плане логики организации наиболее последовательно соотносится с сектором «горение». Среди лексем, формирующих этот сегмент поля, достаточно большое количество, что предсказуемо, дериватов корня *žeg-: зажейть 'зажечь' [Там же, 10, 82]; поджог 'растопка, разведение огня' [Там же, 28, 11]; жейть 'жечь' [Там же, 9, 93]; жейтить 'жечь' [Там же]; прижигить 'сжигать (все, многое или полностью)' [Там же, 31, 206].

В лексеме *подсве́чивать* 'поджигать, устраивать поджог чего-л.' [Там же, 28, 173] реализуется перцептивный принцип номинации процесса сжигания.

Идеи добывания огня, получения огня с помощью определенных усилий, с одной стороны, и зарождения огня как процесса, требующего инициатора, с другой стороны, отражены в номинациях добыв amb 'высекать, зажигать (огонь, спичку)' [Там же, 8, 82]; docmas amb 'добывать, высекать, зажигать огонь' [Там же, 145]; взять огня 'зажечь огонь' [Там же, 22, 340].

Идея случайного инициирования горения выражается лексемами *заро́н* 'случайный поджог от чего-либо горящего' [СРНГ, 10, 388]; *зара́нивать* 'нечаянно поджигать' [Там же, 378].

Представление об огне как живом организме эксплицируется лексемами разжи́ть 'разжечь' [Там же, 33,344]; разживля́ть 'заставлять гореть, разжигать' [Там же, 342].

Этот лексический ряд коррелирует с дериватами корня мор-, развившими значение 'прекращать горение' (ср.: успокаиваться \sim умирать \sim прекращать существовать): заумо́рник 'приспособление для тушения углей' [Там же, 11, 133]; заумо́рница 'приспособление для тушения углей' [Там же, 133].

Как видим, наиболее активно номинируется момент инициирования горения, начальная стадия процесса разработана детальнее прочих, причем на уровне семантики противопоставляется осознанное инициирование процесса и случайное, нечаянное. Идея кульминации, разгара для этого сектора нехарактерна.

- «Топить». Данный сегмент представлен 4 лексемами (одна от корней со значением 'гореть'), которые реализуют следующие идеограммы: «топить» (зажига́ть 'разжигать огонь в печке' [Там же, 10, 85]; пота́пливать 'топить печь' [Там же, 30, 266]), «количество дров на одну топку» (и́сто́плево [Там же, 12, 260]). Лексема жа́грить 'жарко, сильно топить (печь)' [Там же, 9, 56] является субъективной модификацией базовой идеограммы («топить печь»), содержит сему интенсивности, на уровне формы обладает яркой фоносемантикой и несет в себе экспрессивный заряд.
- «Греть». Сектор формируется одной лексемой $\kappa an \mu b$ 'греть, согревать; нагревать' [Там же, 12,360].
- «Готовить». С точки зрения внеязыковой логики в эту группу следовало бы включить все обозначения еды, приготовленной на огне. Очевидно, что в рамках данной статьи это невозможно и нецелесообразно. Мы ограничились родовыми обозначениями способов приготовления пищи, а также номинациями только тех или иных частных явлений, у которых связь с огнем заложена во внутренней форме. Данный участок поля содержит 4 лексемы, 3 из которых дериваты корней с исходным значением 'гореть': поджарить 'подрумянить' [Там же, 28, 6]; жарить 'топить (молоко) в русской печке' [Там же, 9, 78]; жарня 'жарение, стряпание чего-либо' [Там же, 82]; искалить 'поджарить, испечь (на углях, в золе)' [Там же, 12, 213].
- «Костры». Данную группу составляют 6 лексем (две от корней со значением 'гореть'): $n\acute{a}n\acute{b}m\acute{o}$ [Там же, 25, 180]; $o\emph{г}$ нев \acute{u} н \emph{u} е [Там же, 22, 324]; $\emph{к}$ у \emph{u} е \acute{o} но \emph{k} 'укладка дров, предназначенная для сжигания на уголь' [Там же, 16, 193]; $\emph{в}$ а \emph{n} 'горящая куча угля' [Там же, 4, 19]; \emph{h} а \emph{d} ь \acute{e} 'охотничий костер в лесу' [Там же, 19, 260]; \emph{h} а \emph{d} ь \acute{a} \emph{u} н \emph{a} н \emph{b} "вид лесного костра" [Там же, 260].
- «Светить». Сектор формируется двумя лексемами, из которых одна является дериватом корня с семантикой горения: $гор\acute{e}лка$ 'керосиновая лампа' [Там же, 7, 32], лу ч 'огонь в лодке, при котором ловят рыбу' [Там же, 17, 209].
 - «Выжигать». В этот сектор поля входит лексика со значением 'выжигая, рас-

чищать пространство (при подсечно-огневом земледелии)': nanehúha 'выжженное место (в лесу, поле) для распашки' [СРНГ, 25, 166], 3azóh 'участок леса, отведенный под вырубку, для выжигания угля; место, где сложен костер для выжигания угля' [Там же, 10, 18]. Сегмент представлен двумя лексемами, из них одна производна от корня с исходным значением 'гореть'.

- «Опалять». Данный сегмент включает в себя 2 лексемы, обе производны от корней со значением 'гореть': *пали́ть* 'обжечь огнем, опалить' [Там же, 25, 171], обожгать и ободжгать 'обжечь' [Там же, 22, 157]
- «Обжигать». Сектор репрезентирует дериват корня *gor-: нагора́ть 'обжигать, выжигать (при обжиге глиняной посуды, руды и т. п.)' [Там же, 19, 210].
- «Выжигать уголь». Этот сектор также содержит одну лексему, производную от корня *žeg: жганьё 'сжигание (угля), обжигание (извести)' [Там же, 9, 92].
- «Калить». Сектор состоит из двух лексем, обе дериваты глагола *кали́ть*: *откаля́ть* 'обжигать, делать прочнее, закалять металлические изделия' [Там же, 24, 195], раска́ливать 'накаливать, разогревать' [Там же, 34, 107].
- «Оружие». В этой группе только производные корней с семантикой горения: *палять* 'стрелять' [Там же, 25, *183*], *ого́нь* 'война' [Там же, 22, *340*].
- «Дезинфицировать, лечить с помощью огня». Данный сегмент поля составляют лексемы, образованные от корней *gor- и *žeg-: пережа́рить 'сильно нагреть, прожарить (всю одежду, постель) для очистки, дезинфекции' [Там же, 26, 101], про́жиг 'обработка улья огнем, дымом для дезинфекции' [Там же, 32, 135].

Результат воздействия. Этот сегмент поля соотносится с сектором «горение» и отличается от предыдущего отсутствием инициатора процесса и «работает» на идею стихийного (или по крайней мере вышедшего из-под контроля) огня. Идеограммы приводятся в следующей последовательности: «претерпеть воздействие огнем», «повредить огнем», «уничтожиться огнем».

- «Обгореть». Данный сектор формируют 3 лексемы (одна от корней со значением 'гореть'): *ога́рыш* 'огарок (свечи, лучины и т.п.)' [Там же, 22, 312], *присмоли́ться* 'слегка обгореть (при пожаре)' [Там же, 31, 391], *опле́ть* 'обгореть' [Там же, 23, 265].
- «Ожог». Сектор включает в себя 4 лексемы, все производны от корня *žeg-: обожга́ться 'обжечься' [Там же, 22, 157], ожга́ть 'обжечь (огнем или кипятком)' [Там же, 23, 73], сжечь 'облить кого-л. горячей жидкостью, обварить' [Там же, 37, 259], обжо́га 'ожог на теле' [Там же, 22, 48].
- «Подгореть». Данный участок поля содержит 4 лексемы, из которых 3 дериваты корней с семантикой горения: горёлушки 'пригоревшее место в печеном хлебе' [Там же, 7, 33], изга́рина 'пригарина' [Там же, 12, 115], прижа́риться 'пригореть (о пище)' [Там же, 31, 204], перекали́ть 'пережарить, нагревая слишком сильно (о семечках)' [Там же, 26, 117].
- «Уничтожить огнем». Сектор включает в себя 2 лексемы, не являющиеся дериватами корней с семантикой горения: *оберёстить и оберёстить* 'спалить, сжечь в один миг' [Там же, 22, 34].

• «Выгоревшее место». Сектор представлен 12 лексемами, дериватами корней *gor- и *pal-: выгоревший лес' [СРНГ, 5, 269], горе́льник 'выгоревший или выжженный лес, пожарище в лесу' [Там же, 7,33], выгоров 'выгоревшее место в лесу, на болоте' [Там же, 5, 263], выгарок 'выгоревшее место в лесу, на болоте' [Там же, 263], гарь 'выжженное место в лесу, предназначенное для посева, но еще не очищенное и не вспаханное', 'о выгоревшем месте в лесу' [Там же, 6, 148], погоре́лка 'выгоревшее место; гарь' [Там же, 27, 308], выгора 'молодые деревья, выросшие на месте выгоревшего леса' [Там же, 5, 269], паленица (уд?) 'выжженное место' [Там же, 25, 166], паленище 'выжженное место' [Там же, 166], палище 'выгоревший участок леса' [Там же, 172], *паль* 'выгоревшее, выжженное место (в лесу, на лугу и т.п.)' [Там же, 179], пальник 'место с обгоревшим лесом; обгоревший лес' [Там же, 180]. Этот участок поля очень близок сектору «выжигать (при подсечно-огневом земледелии)», и в большинстве случаев из дефиниции непонятно, куда следует отнести ту или иную лексему. В эту группу включены только те слова, в толковании которых не оговаривается, что выжигание было сознательным.

Из 56 лексем, формирующих этот сектор, 50 производны от корней со значением 'гореть': *о́гни́ще* 'выжженное или выгоревшее место в лесу; гарь' Моск., Арх., Коми АССР [СРНГ, 22, 330], паленица (удар.?) 'то же' Яросл., Перм. [Там же, 25, 166], по́чер 'то же' Забайкал. [Там же, 30, 380], проглы́зина 'то же' Амур. [Там же, 32, 109], голы́нь 'то же' Сиб. [Там же, 6, 346]. Этот участок поля очень близок сектору «выжигать (при подсечно-огневом земледелии)», и в большинстве случаев из дефиниции непонятно, куда следует отнести ту или иную лексему.

Достаточно большой процент лексики каждого сектора периферии составляют дериваты корней со значением 'гореть', что доказывает актуальность для носителей языка связей, выделенных с опорой на внеязыковую логику.

В целом, поле горения четко очерчено, имеет очень разработанное ядро и достаточно разработанную периферию, причем связи между секторами периферии ощутимо слабее, нежели связи между каждым периферийным сектором и ядром, поэтому можно охарактеризовать данное поле как центрострем и тельное, т. е. обладающее радиальной структурой.

Периферия поля воды, повторимся, строится на принципиально иных основаниях: за основу при выделении секторов берется не набор актантов, релевантных для процесса, а ряд ипостасей, в которых может представать вода.

Вода в природе

Этот сектор очень разработан, поскольку вода в природе представлена широким спектром реалий. Поскольку сема «вода» в семантической структуре этих слов занимает одну и ту же позицию (вода здесь выступает как организующий элемент той или иной реалии, будь то дождь или водоем), мы разделили представленную лексику идеографически.

Метеорология. В уральских говорах зафиксировано два названия собственно дождя, дождя вообще: $nom\acute{o}$ чка 'дождь' [СРГСУ, 4, 89], $oκn\acute{a}$ дник 'дождь' [Там же, 3, 50]. Слово $nom\acute{o}$ чка образовано от корня moκ-, т. е. этимологическое значение связано с влагой, водой. Номинация $oκn\acute{a}$ дник, вероятнее всего, восходит к глаголу $oκnad\acute{a}$ mься 'покрывать, окутывать сплошной массой (об облаках, тучах на небе)' [СРНГ, 23, 120], в котором, очевидно, реализуются представления о том, что тучи, облака обволакивают, окутывают собой землю (ср.: oбnako, этимологически ofenako от ofenako от ofenako от ofenako (фасмер, III, 105]).

Дальнейшее развитие значения 'дождь' связано с идеей интенсивности: выделяется либо мелкий, моросящий дождь, либо ливень. Идеограмма 'мелкий дождь' реализована лексемами *се́янец* 'мелкий дождь' [СРГСУ, 5, 135], *ситу́ха* 'мелкий дождь' [Там же, 139].

Слово зо́лица 'мелкий осенний дождь' [Там же, 1,195] образовано, вероятно, от корня зло (ср. золить 'вредить' [СРНГ, 11,327]). В отношении мотивационной семы эта лексема может быть уподоблена слову сеногно́й 'дождь во время сенокоса' [СРГСУ, 5,132], содержащего в своей внутренней форме идею о том, что дождь может вредить сельскохозяйственным работам.

Номинация *перева́лка* 'дождь с перерывами' [Там же, 3, 127] характеризует дождь с точки зрения особенностей самого процесса выпадения осадков.

Таким образом, из всех номинаций дождя вообще и мелкого дождя только одно слово этимологически связано с водой (nomovka), во всех остальных случаях в основу номинации дождя кладутся другие признаки. В свете данного наблюдения кажется парадоксальным тот факт, что все лексемы со значением 'ливень' этимологически связаны именно с водой: nepemóka 'ливень' Там же, 4,17] (cnúвehb 'ливень' [Там же, 6,26], ynushóŭ 'проливной дождь' [Там же, 127], cnushóŭ 'проливной дождь' [Там же, 26].

К этой группе примыкают обозначения дождливой погоды: *помо́ка* 'дождливая погода' [Там же, 4, 89], *смо́ка* 'дождливая погода' [Там же, 6, 30], *сыреть* 'мокрая, дождливая погода' [Там же, 83]. Все они образованы от корней, значение которых связано непосредственно с водой. С точки зрения внеязыковой логики такая мотивация представляется вполне закономерной. Однако в свете того, что среди номинаций дождя связь с водой поддерживают преимущественно обозначения ливня, это заставляет думать, что языковое сознание разделяет идею влажности, сырости в природе и дождя как такового.

Структура группы глаголов, являющихся типовыми предикатами для дождя, практически повторяет организацию сектора «Дождь»: основной вектор развития семантики обусловлен идеей интенсивности. Значение 'лить' представлено лексемами *слива́ть* 'лить (о дожде)' [Там же, 4, 26], *спустьться* 'пойти (о дожде)' [Там же, 5, 126] и *помну́ть* 'полить (о дожде)' [Там же, 2, 102]. Характерно, что три слова из четырех обозначают начальную фазу действия, начало процесса. При этом не встретилось ни одного глагола, обозначающего другую стадию (например, разгар, утихание или завершение дождя). Очевидно, именно начало дождя наиболее важно для языкового сознания. С дру-

гой стороны, для дождя, как и для любого протяженного во времени процесса, идея фазы тесно связана с идеей интенсивности, поэтому номинации той или иной степени интенсивности дождя могут быть рассмотрены и как номинации различных фаз. Хотя в случае с дождем такая интерпретация — это скорее частный случай. Стоит также отметить, что слово *помну́ть* уже на уровне формы обладает ярко выраженной экспрессией, т. е. в данном случае номинируется внезапный сильный дождь.

Сильный дождь, ливень обозначается однокоренными глаголами: *полоска́ть* 'сильно лить' [СРГСУ, 4, 83] и *полоскну́ть* 'сильно лить' [Там же, 83].

Номинации мелкого дождя более частотны. Они восходят к различным корням, но при этом оказываются объединены сопоставимым мотивационным признаком. Слова *трусить* 'моросить' [Там же, 6, 110], *патросить* 'моросить', *патрусить* 'моросить' [Там же, 3, 119], *потросить* 'моросить' [Там же, 4, 112] этимологически связаны с корнем *трус-/тряс-*, фиксирующим дрожание, «шевеление» мелких капель в воздухе. Практически ту же идею реализуют глаголы *порушить* 'сеять (о мелком дожде)' [Там же, 99] и *крапить* 'накрапывать (о дожде)' [Там же, 2, 59]. Глагол *морозжить* 'моросить' [Там же, 141] этимологически связан с *морозга* 'изморось', которая, в свою очередь, восходит к *моргать* [Фасмер, II, 657], т. е. в данном случае также реализуется идея мелкого движения, ряби.

Нужно отметить, что организация данного сектора поля практически изоморфна организации сектора «горение». Отчасти это объясняется самим характером реалии: дождь, так же как и горение, представляет собой ограниченный во времени процесс с явной сменой стадий, для которого крайне важна идея интенсивности. Эти две идеи (интенсивности и стадиальности) являются доминантами языкового осмысления каждого из феноменов. Показательно, что чем выше степень интенсивности дождя, тем больше его обозначений этимологически связано с водой, т. е. чем сильнее дождь, тем очевиднее для языкового сознания его стихийная природа.

Географическая терминология. В данном подразделе рассматривается лексика, обозначающая естественные водоемы и смежные с ними водные реалии (течение, водовороты и т. п.). Представленный набор значений напрямую связан с особенностями уральского ландшафта: по преимуществу это наименования озер и рек.

Наиболее общее значение имеет слово водинка 'маленький водоем' [СРГСУ, 1, 85]. Большинство слов со значением 'озеро' являются словообразовательными диалектизмами: озе́рина 'мелкое озеро' [Там же, 3, 48], озерина 'мелкое озеро' [Там же, 48] и др.

Номинации водоемов со стоячей водой, по сути, ограничиваются этой лексической группой, в которой, как видно, только одно лексема этимологически связана с sodoù.

Номинации родников чаще всего воплощают идею о том, что ключ — это вода, пробившаяся на поверхность: водоро́й 'ключ, родник' [Там же, 1, 85], верхови́к 'родник, пробившийся на поверхность земли' [Там же, 72]. Это соотносится, с на-

шей точки зрения, с представлениями о подводных водах как о жилах земли (ср. жила 'ключ, родник' [КСГРС]), которые содержат воду, наделенную особой силой, и которые пробиваются на поверхность в исключительных случаях. Номинации свежу́лька 'ключ' [СРГСУ, 5, 116], свежу́н 'ключ на дне реки' [Там же] связана, с одной стороны с тем объективным фактом, что родниковая вода, как правило, холодная, с другой — с тем же представлением о животворящей силе родников.

Не встретилось ни одного слова со значением 'река'. Обозначения ручьев также немногочисленны. Наиболее интересным в плане мотивации является слово $n\acute{a}$ сынок 'ручей, скрытый под мхом' [Там же, 3, 118]. Если обратиться к правой мотивации для лексемы naсынок, легко заметить, что в большинстве случаев она обозначает нечто периферийное, менее важное, менее развитое и т. д. (ср. naсынок 'меньшее из двух деревьев одного корня' [СРНГ, 25, 270], 'более узкая часть рыболовного снаряда с горлом, ведущим в мешок' [Там же, 270] и др.).

Среди объектов, связанных с рекой, номинируются водовороты и течение, как правило, быстрое. Достаточно странным представляется развитие значения 'водоворот' у слова maudan [СРГСУ, 2, 112], которое в говорах обозначает также открытую площадку, просеку в лесу, смолокурню. У $\kappa pyxcano$ 'водоворот' [Там же, 66] в основе номинации лежит идея кругового движения.

Обозначения течения по происхождению славянские. Протёк 'течение реки' [Там же, 5,36], стёк 'течение' [Там же, 6,59] образованы от глагола течь, являющегося для воды типовым предикатом; су́лой 'водоворот, узкий быстрый поток' [Там же, 6,75] — от глагола лить; тягу́н 'сильное течение, быстрина на реке' [Там же, 117] реализует народное знание о том, что сильное течение может утянуть человека.

Самое большое количество лексем в рамках данной группы обозначает половодье, разлив реки. Эта реалия столь активно привлекает к себе внимание номинатора в силу того, что представляет определенную опасность для человека: вышедшая из берегов река может затопить освоенное человеком пространство и угрожает человеческой жизни. Абсолютное большинство лексем с таким значением образовано от слов большой и вода (от обоих либо от одного из этих корней): большая вода 'высокий уровень воды в реке, половодье, разлив реки' [Там же, 1, 51], большево́дье 'большой подъем уровня воды в реке, разлив реки' [Там же, 50], большево́дье 'половодье' [Там же, 1, 50], водово́дье 'половодье' [Там же, 85], по́водь 'подъем воды после сильных дождей' [Там же, 4, 42], водото́па 'половодье' [Там же, 1,85]. Не вписывается в этот ряд только слово вёшница 'весенний разлив рек' [Там же, 76], этимологически связанное со словом весна и фиксирующее информацию о наиболее типичном времени для разлива рек. Во всех остальных случаях эта реалия в языковой картине мира осмысляется именно через связь с водой.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее последовательно через связь с водой номинируются опять же реалии, для которых актуальна идея интенсивности, чрезмерности. Это подтверждает вывод, что чем больше стихийности в природе явления, тем важнее для языкового сознания связь с водой как с первоэлементом.

Итак, в данном секторе семантического поля представлены значения, связанные с водой в природе, т. е. с водой стихийной, неподвластной человеку. Сектор формируется двумя группами — метеорологией и географической терминологией. Как показал анализ материала, достаточно большой процент представленной лексики номинируется через корни, связанные с водой или типичными для нее действиями. Другими словами, связь этих объектов с водой совершенно очевидна для внеязыковой логики и поддерживается на уровне языка.

Вода в быту

Реконструируя данный сектор семантического поля, мы обращаемся к воде, увиденной через призму человеческой деятельности. Это может быть как вода, используемая для приготовления пищи или мытья в бане, так и вода в водоемах, если она используется для нужд человека (например, купание или стирка). Стоит отметить, что, вода, в отличие, например, от огня, может быть представлена в формах, абсолютно безопасных для человека. Понятно, что вода в стакане или в лейке не вызывает у человека страха, и даже если она прольется, это не повлечет за собой катастрофу. Огонь же представляет опасность, даже если речь идет о свече или углях в печи, иными словами, о стихийной природе огня человек не забывает ни на минуту. Вероятно, именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что большой процент реалий, связанных с горением, номинируются именно через связь с огнем.

Элементарные действия человека. В данный сектор входят обозначения элементарных действий, которые осуществляются по отношению к воде. Иначе говоря, это те действия, в которых вода является объектом воздействия.

Значение 'налить' развивают глаголы: начибу́рить 'налить' [СРГСУ, 2, 192], наточи́ть 'налить' [Там же, 189]. Слово начибу́рить восходит к слав. бурить 'бросать, лить' [Фасмер, IV, 358]. Лексема наточи́ть, вероятно, может быть сопоставлена с глаголом течь. Таким образом, оба глагола этимологически связаны с корнями, исходное значение которых связано с водой.

Если глаголы со значением 'налить' образованы от корней, семантика которых связана с водой, глаголы со значением 'разлить, расплескать' с водой этимологически не связаны. Глаголы выбукать 'расплескать, выплескать, выплескать, разлить' [СРГСУ-Д, 88], выбухать 'расплескать, выплескать, разлить' [Там же, 90], скорее всего, восходят к бухать 'бить, бросать, толкать, падать с грохотом', которое, по версии Фасмера, звукоподражательно [Фасмер, I, 255]. Слово бухать имеет явную экспрессивную окраску, чем, с нашей точки зрения, обусловливается дальнейшее развитие значения: от обозначения любого экспрессивного действия к конкретному 'расплескать'.

Слово выхалкнуть 'выплеснуть, вылить' [СРГСУ-Д, 99], очевидно, связано с звукоподражательным халкать 'жадно глотать' [Фасмер, IV, 218]. Несмотря на то, что значение мотивирующего глагола связано с водой, мы предполагаем, что семантика развивалась таким же образом, как и в предыдущем случае.

Показательно, что лексемы со значением 'налить' на уровне мотивации поддерживают связь с водой, а со значением 'разлить' мотивационно связаны с обозначением экспрессивного действия. Очевидно, это диктуется самим характером действия: наливание воды — это действие осознанное, контролируемое, полезное, в то время как разливание, расплескивание — действие случайное, воспринимаемое как негативное.

Еда, питье. Первое, что обращает на себя внимание в данном секторе, — огромное количество глаголов со значением 'пить'. Именно эта идеограмма является в данном секторе базовой. Глаголы с подобной семантикой противопоставляются грамматически (по принципу вида) и семантически (по принципу интенсивности действия). Глаголы чуркать 'пить' [СРГСУ-Д, 568], чиркнэть 'выпить' [СРГСУ, 7, 31], вероятнее всего, также звукоподражательны. В этом секторе представлено 4 деривата корня халк-.. В данном случае семантика этих глаголов близка к этимологическому значению: выхалкнуть 'выпить, опорожнить' [СРГСУ-Д, 99], выхалкнуть 'выпить' [Там же], халкать 'жадно, залпом пить' [Там же, 551], халкнуть 'жадно, залпом пить' [Там же]. Примыкает к этой группе глагол прихлябывать 'запивать' [Там же, 463], вероятнее всего, также звукоподражательный. Таким образом, большинство лексики со значением 'пить' номинируется через звукоподражание, обладает экспрессивной окраской. Иными словами, для языкового осмысления процесса питья воды, очевидно, доминантой становятся физиологические особенности, что и обусловливает такой модус номинативного освоения.

Набор идеограмм, связанных с процессом приготовления пищи, оказался крайне ограниченным. Чаще всего объектом номинации становится кипяток. Вся лексика со значением 'кипяток' этимологически связана с корнем ваp: $ome \acute{a}p$ 'кипяток' [Там же, 379], $sopom \acute{o}\kappa$ 'кипяток' [СРГСУ, 1, 92]. (Ср.: $sapamo\kappa$ 'кипяток', которое Фасмер возводить к sapumb [Фасмер, I, 274].)

Купание в водоеме. Данный сектор сводится к двум базовым идеограммам. Наибольшее количество глаголов в рамках данной группы имеет значение 'нырять': *ныром пловать* 'плавать под водой' [Там же, 2, 213], укурну́ться 'нырнуть' [Там же, 6, 126], укорну́ться 'нырнуть, окунуться' [СРГСУ-Д, 541], умырну́ть 'нырнуть' [Там же, 541]. Глаголы укурну́ться, укорну́ться М. Фасмер сопоставляет со словом корточки, для которого восстанавливается этимологическое значение 'кривой' [Фасмер, II, 330]. Если считать, что семантика 'нырнуть' развилась непосредственно от этимологического значения, в этих номинациях отражается характер движения, которое человек проделывает при нырянии, поскольку ныряние предполагает изгибание тела. Слово умырну́ть Фасмер объясняет как результат фонетического изменения слова нырнуть [Там же, III, 24]. Таким образом, здесь наибо-

лее актуальным оказывается характер движения человека. Для семантики глагола *передёргиваться* 'переплавляться через реку' [СРГСУ, 4, 13] важны в первую очередь направление движения, идея преодоления пространства реки.

Идеограмма «плескаться» реализована тремя глаголами, ни один из которых этимологически с водой не связан: *палькаться* 'плескаться, играть водой' [Там же, 3, 111], *парькаться* 'плескаться' [Там же, 116], *бра́здаться* 'брызгаться, плескаться, барахтаться, возиться в воде' [СРГСУ-Д, 42].

Стирка, мытье. Этот сектор поля один из самых разработанных. Среди формирующей его лексики огромное количество словообразовательных диалектизмов, в данном случае это производные от глаголов мыть и стирать, большинство из которых, на наш взгляд, может рассматриваться как просторечие. Мы ограничимся тем, что приведем эту лексику списком, поскольку, на наш взгляд, она не требует особых комментариев: стывать 'мыть' [Там же, 511], стыть 'мыть' [Там же], замыть 'вымыть' [Там же, 182], намыть 'настирать' [Там же, 327], мыть 'полоскать' [Там же, 313], помойка 'стирка, мытье' [СРГСУ, 4, 89]; стирушки 'небольшая стирка, постирушка' [СРГСУ-Д, 518], стирываться 'стирать время от времени' [Там же], стиральница 'прачка' [Там же], стиральщица 'прачка' [Там же]. Если производные глагола мыть могут обозначать весь спектр действий, то корень стир- сохраняет за собой значения, связанные только со стиркой, значение 'мыть' ему не присуще.

В данном секторе также велик процент глаголов, звукоподражательных по происхождению: обшо́ркать 'вымыть' [Там же, 358], обшо́ркнуть 'вымыть' [Там же]. Фасмер сопоставляет эти слова со звукоподражательным шаркать [Фасмер, IV, 409] (очевидно, имитация звука, возникающего при мытье). Еще одним примером развития подобной семантики у изначально звукоподражательного глагола является лексема $non\acute{y}$ чкать 'слегка постирать, помять' [СРГСУ, 4, 97], сопоставляемая с nyчить 'лопнуть' [Фасмер, III, 404].

Лексема га́ять 'мыть, чистить, приводить в порядок и т. п' [СРГСУ-Д, 117] имеет параллели в северно-русских диалектах: гоить 'ухаживать, откармливать', а также в других славянских языках: укр. гоїти 'исцелять', болг. гоя 'откармливаю', сербохорв. го̀јити, словен. gojíti, чеш. hojiti 'лечить', польск. goić, в.-луж. hojić 'исцелять' [Фасмер, I, 427]. Судя по диапазону значений, изначальная семантика этого глагола может быть восстановлена как 'заботиться, помогать'. Вероятно, этим обусловлено возникновение семантики, связанной с наведением порядка. Сопоставимым путем развивалась такая семантика и у корня черед-: чередить 'чистить, мыть (что-л., кого-л.), стирать белье' [СРГСУ, 7, 22], чередиться 'полоскать белье' [Там же, 23]. Актуализируется сема «порядок», ведущая для слова черёд (ср. выражения типа Все идет своим чередом, с одной стороны, и исходное значение слова порядок, связанное с идеей ряда, определенной последовательности, упорядоченности, с другой).

Следующие два слова обладают прозрачной внутренней формой и представляют интерес скорее с точки зрения этнографии: *узоле́ть* 'пропарить в воде с зо-

лой (при стирке) [СРГСУ-Д, 539], mеnnýшка 'горячая вода, которую брали с собой при стирке в проруби, чтобы отогревать в ней руки' [Там же, 528].

Среди представленной в данном разделе лексики нет ни одного слова, этимологически связанного с обозначением воды. При этом активны звукоподражательные глаголы и слова со значением 'ряд', 'порядок', что заставляет думать о том, что для номинатора идея воды не является первостепенной при обозначении таких ее ипостасей, которые позволяют забыть о ее стихийной природе.

Судоходство, сплав леса. Как правило, лексика, связанная с такого рода деятельностью, универсальна для всей территории распространения языка. Именно этим, с нашей точки зрения, объясняется крайне слабая разработанность этого сектора в говорах: нам встретилось всего одно слово с подобной семантикой: вал 'водяной поток, образующийся при одновременном открытии всех запоров плотины. Используется для подъема уровня воды в реке ниже плотины с целью подгонки и снятия с мели караванов барок и сплавляемого мелем или плотами леса' [СРГСУ, 1, 65].

Итак, если говорить о языковом осмыслении огня и воды, актуальном для уральских говоров, необходимо обозначить следующие доминанты. Во-первых, огонь и вода осмысляются принципиально по-разному: для языкового образа огня базовой является идея процесса, характеризующегося очевидной сменой стадий и изменением степени интенсивности. Вода же представлена как с у б с т а н ц и я, могущая быть явлена определенным количеством ипостасей. Уникальным в этом смысле представляется языковой образ дождя, логика номинативного осмысления которого, по сути, тождественна ядру поля горения. Это различие обусловливает логику организации периферии семантических полей. При этом для семантического поля огня языковые связи между ядром и периферией более стабильны, нежели для поля воды. Практически все сектора периферии поля огня (за редким исключением) содержат лексику, этимологически связанную с корнями с исходным значением 'огонь', 'гореть', 'жечь'. Иначе говоря, даже если речь идет о сжигании, т. е. о горении, контролируемом человеком, связь с огнем не ускользает из внимания номинатора, продолжает оставаться значимой. Для поля воды ситуация иная: через связь с водой или ее типовыми предикатами номинируется в первую очередь вода природная, стихийная, причем чем выше уровень стихийности, тем прочнее языковые связи с исходным понятием. Можно прийти к заключению, что для языкового сознания уровень стихийности огня всегда достаточно высок. Безусловно, такой характер номинативного освоения прорастает из особенностей самой реалии: огонь объективно представляет собой большую опасность, нежели вода. Точнее, можно представить себе такие формы существования воды, которые не несут никакой угрозы для человека и при которых вода не может выйти из-под контроля, в то время как огонь всегда потенциально опасен. Иными словами, мотивационный потенциал понятий «огонь» и «вода» связан прежде всего со стихийными проявлениями этих явлений. Поскольку для огня уровень стихийности априори более высок, нежели для воды, процент лексики, номинируемой через

огонь, выше. Очевидно, именно этим и обусловлено различие в организации семантических полей. С другой стороны, это наблюдение позволяет говорить о том, что для языкового осмысления «огня» и «воды» возможно восстановить некое универсальное основание, опирающееся на идею стихийности. Соответственно различия в организации семантических полей объясняются не принципиальной разностью и несопоставимостью объектов, а их различным расположением на общей для них шкале стихийности.

Сам факт того, что языковое осмысление огня и воды может быть вписано в одну логику, возможность реконструировать единые принципы постижения этих двух противопоставляемых друг другу феноменов свидетельствует, на наш взгляд, об их возводимости к единому прообразу стихии, что и обусловливает — при всех различиях — определенную тождественность языкового осмысления.

И. Е. Герасименко

КОННОТАЦИЯ И ДИНАМИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Статья посвящена проблеме порождения коннотации в результате двойственной природы и полифункциональности языкового знака. Автор рассматривает трактовку данного вопроса в концепциях У. Эко, Р. Барта и Э. Косериу. В заключение автор приходит к выводу о том, что динамизм коннотации как компонента кодифицированного в культуре значения языкового знака является значимым фактором формирования языка как части культуры.

Особенностью языка как знаковой системы является двойной модус существования. Язык существует и как система средств виртуальных знаков и моделей их связей, и как реальная манифестация, конкретная реализация этой системы; как «комплекс категорий, существующих *in potentia*, и язык как беспрерывно повторяющийся процесс» [Бодуэн де Куртэне, 1912, 77].

Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Языковые преобразования. М., 1998. С. 662—669.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2004.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, УрГУ).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964—1987.

СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнение. Екатеринбург, 1996.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965 —Вып. 1—. . .

 $[\]Phi$ асмер M. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973.